

Резкий, залиvistый звонок возвестил об окончании четвертого урока — утренние занятия наконец завершились. Не прошло и нескольких секунд, как последние три ряда класса опустели: галдящая орава учеников испарилась почти мгновенно.

Те же, кто остался, даже не подняли голов. Уткнувшись в разложенные на партах тесты и тетради с работой над ошибками, они яростно, из последних сил грызли гранит науки, пытаясь втиснуть в головы неподатливые формулы.

Сидящий за первой партой Лю Да то и дело оглядывался. Но каждый раз его взгляду представала одна и та же картина: Мао Сяочуань, неподвижно застывший над раскрытым задачником. Толстяк уже порывался встать и утащить друга в столовую, как делал обычно, но он то и дело испуганно поглядывал на соседнюю парту — туда, где сидел Юань Синь. Лю Да, конечно, ни за что на свете не признался бы даже самому себе, что до смерти боится этого парня, но глупо было отрицать очевидное: при одном взгляде на Юань Синя места бывших ушибов, полученных на прошлой неделе, начинали предательски ныть.

Лю Да яростно стиснул зубы и до хруста сжал кулаки.

«Сука, ну погоди у меня, тварь... — подумал он. — Я найду на тебя управу, ещё как найду!»

Он собрался было отыскать глазами Ли Сяовэя, чтобы излить ему душу, но в этот самый миг он услышал капризный, манерный и до безумия раздражающий голосок. Тот самый голосок, от которого у любого парня внутри всё переворачивалось.

— Ли Сяовэй, выйди на минутку!

У задней двери класса, робко переминаясь с ноги на ногу, стояла первая красавица школы, Цзя Цзе. На ней была короткая юбка, выставлявшая напоказ точёные белые ножки, а она смущённо теребила пальчиками край блузки. Она позвала старосту своим фирменным, нежным до приторности голоском.

В ту же секунду добрая половина тех, кто ещё оставался в классе, дружно обернулась на звук. Многие уставились на вошедшую — кто-то смотрел со скрытым вожделением, кто-то со жгучей завистью, а кто-то и с откровенной неприязнью.

От этих бесцеремонных, просвечивающих как рентген взглядов, жадно изучавших девчонку, Лю Да даже в пот бросило. Он со злостью уставился на её голые ноги, изнывая от досады.

«Дура набитая, неужели трудно было штаны надеть?»

Пока толстяк мучительно соображал, стоит ли ему вмешаться и увести девчонку от греха

подальше, у него предательски задергалось правое веко. Ли Сяовэй, до этого сидевший неподвижно, вдруг выпрямился, с тихим шорохом отодвинул стул и с абсолютно невозмутимым видом направился к выходу.

Подорвавшись с места, он грузным медведем вылетел из класса. В душе он вовсю костерил старосту на чём свет стоит.

«Тоже мне, святоша! Всё твердит, что она ему даром не нужна... А сам, стоит ей пальцем поманить, бежит роняя тапки — теперь и десятком быков не оттащишь!»

Класс постепенно пустел, пока наконец в нём не остались только двое: Юань Синь, по-прежнему сосредоточенно изучающий экзаменационные бланки, и дрыхнувший без задних ног Мао Сяочуань.

Давящая аура посторонних улетучилась вместе с этой шумной троицей. Избавившись от назойливого чужого внимания, Юань Синь наконец облегчённо перевёл дух.

Вся первая половина дня прошла для Мао Сяочуаня на удивление продуктивно. Целых четыре урока он честно отсидел без единого зевка, ни разу не отвлёкся и не задремал. Силы покинули его лишь за три минуты до звонка. Не выдержав запредельной нагрузки, парень тихонько опустил голову прямо на стопку нерешённых тестов, возвышавшуюся на парте неопрятным бумажным холмиком.

Юань Синь заворожённо разглядывал безмятежное лицо спящего друга, и на душе у него становилось на удивление тепло и спокойно. Подавшись чуть вперёд, он принялся бережно изучать каждую чёрточку: тонкую, почти прозрачную в золотистых лучах солнца кожу, забавный вздёрнутый носик, приоткрытые розоватые губы, изгиб ресниц и взъерошенные, растрепавшиеся кудряшки на макушке.

Протянув руку, он мягко коснулся пушистой макушки.

«И впрямь отросли, — подумал Юань Синь, перебирая пальцами мягкие пряди. — Пора бы ему подстричься»

Не успел он додумать эту мысль, как Мао Сяочуань резко дёрнулся во сне. От этого сильного, судорожного движения деревянная парта зашаталась, и стопка утренних тестов, которые парень так и не успел решить, веером полетела на пол.

— Ой... — сонно пробормотал Кудряшка. Этот кульбит окончательно его разбудил.

Он вскинул голову и смотрел на разлетевшиеся листы мутным, расфокусированным взглядом, даже не пытаясь их поднять.

Посмотрев сначала на Юань Синя, потом на опустевшую столешницу, а затем — на устилающие пол листы, Мао Сяочуань наконец начал приходить в себя. Оперевшись о край парты, он попытался подняться, чтобы собрать бумаги.

— Не двигайся, — негромко, но властно остановил его Юань Синь.

Он легко наклонился, плавным и точным движением собрал разлетевшиеся листы и, аккуратно сложив их стопкой на парте, мягко, но твёрдо уложил ладонь на плечо друга, заставляя того сесть обратно.

Мао Сяочуань лишь недоумённо захлопал глазами, снизу вверх глядя на возвышающегося над ним одноклассника.

— Сиди, кому говорю. Опять ногу отсидел? — заметив его недоумение, пояснил Юань Синь.

Не дожидаясь ответа, он присел, уверенно перехватил затекшую ногу Сяочуаня и уложил её себе на колено. Его сильные, тёплые пальцы принялись бережно, но глубоко массировать онемевшую мышцу.

— Ой-ёй-ёй! Полегче, полегче! Больно же! — взывал Кудряшка. Спросонья соображал он туго, и жуткое покалывание достигло сознания с опозданием. Лишь когда Юань Синь приподнял его правую ногу, парень прочувствовал всю прелесть затекшей конечности: от кончиков пальцев до самого колена словно разом вонзились тысячи раскалённых игл.

— Терпи, — безапелляционно бросил Юань Синь, хотя натиск заметно ослабил.

Ловким движением он развязал шнурки на кедах друга, легко стянул обувь и, нащупав нужную точку на подошве, с силой надавил большим пальцем.

— А-а-а-а! — истошно завопил Мао Сяочуань.

Дикая, пронизывающая волна судороги прокатилась от пятки вверх: по лодыжке, голени, бедру, отдаваясь где-то в пояснице и ослепляя яркой вспышкой боли. Не в силах вынести эту пытку, он мёртвой хваткой вцепился в парту, отчаянно пытаясь вырвать ногу из чужого плена.

Но вырваться из тисков Юань Синя было делом безнадёжным. Тот держал мертвой хваткой. С виду абсолютно расслабленный, он сидел с безупречно прямой спиной, и ни один мускул на его лице не выдавал напряжения, пока Кудряшка извивался, орал и брыкался на все лады.

Спустя пару минут мучительная ломота бесследно улетучилась. Облегчение наступило так внезапно, что Мао Сяочуань притих, устыдившись собственных воплей. Ему и самому уже верилось с трудом, что секунду назад он орал дурным голосом на весь класс.

— Ну как, отпустило? — Юань Синь поднял на него взгляд.

— Ага... совсем прошло, — Мао Сяочуань робко пошевелил пальцами ног и потянулся было забрать свою конечность.

Однако Юань Синь и не думал его отпускать. С заботливостью заправского массажиста он принялся размеренно похлопывать его голень по бокам, разгоняя застоявшуюся кровь. Его ладони уверенно поднимались выше, к бедру — одна с внешней стороны, другая с внутренней.

Мао Сяочуань нервно заерзал на стуле, чувствуя, как к щекам приливает жар.

— Эй... ладно тебе, хватит уже! Правда, всё прошло!

— Что тебе снилось-то? — обыденным тоном поинтересовался Юань Синь, продолжая методично массировать его внезапно напрягшееся бедро.

Вопрос отвлёк Кудряшку. Он прищурился, пытаясь собрать воедино разрозненные, ускользающие образы. Сюжет был сумбурным, но пара ярких моментов всё же врезалась в память.

Почесав кончик носа тыльной стороной ладони, он вздохнул:

— Да ерунда какая-то. Будто я еду на велосипеде, а из-за поворота прямо на меня вылетает огромный грузовик. Я по тормозам, руль виляет — и я со свистом улетаю в глубооченный кювет. Кошмар, у меня аж сердце зашло.

Он невольно прижал ладонь к груди. Сердце до сих пор колотилось как безумное, напоминая о пережитом во сне испуге.

— Не бери в голову. Сны обычно сбываются наоборот, — успокоил его Юань Синь, не прерывая своего занятия. — Тебе всякая дрянь снится от переутомления. Слишком много на себя взвалил в последнее время.

— Думаешь? — Мао Сяочуань задумчиво склонил голову набок.

В словах друга была доля истины. Да и как тут не нервничать? На носу выпускные экзамены, родители ждут от него результатов, а вдобавок ко всему — куча личных, глубоко запрятанных тайн, о которых и заикнуться-то никому нельзя.

— Именно, — кивнул Юань Синь.

Закончив с одной ногой, он аккуратно опустил её и тут же бесцеремонно притянул к себе вторую.

— Погоди, эту не надо! Она не затекла! — забормотал Мао Сяочуань, безуспешно пытаясь уклониться.

Он и подумать не мог, что у Юань Синя откроется страсть к чужому массажу. Обычно такие гении-одиночки и смотреть-то брезгуют на простых смертных, а этот вдруг проявил невиданное милосердие к ближнему своему.

Юань Синь проигнорировал его протесты и упрямо принялся за вторую ногу.

Полуденное солнце мягким золотом заливало южную часть класса у самого окна. Его лучи скользили по заваленным учебниками партам, высвечивая те самые мгновения юности, что врезаются в память навсегда. В этот тихий миг даже самые черствые, упрямые или смятенные души невольно оттаивали, прогоняя прочь любые сомнения.

Мао Сяочуань сидел, забавно подогнув одну ногу под себя, а вторую вытянув на коленях у Юань Синя. Тот, слегка склонив голову, сосредоточенно продолжал растирать затекшие мышцы.

Они негромко переговаривались, и со стороны их беседа казалась удивительно доверительной, почти интимной. Солнечный свет, струящийся сквозь чистое стекло, окутывал их мягким ореолом, превращая силуэты двух юношей в идеальную картину безмятежного тепла, от которой невольно щемило сердце.

Вдруг Юань Синь услышал тихий смешок — то ли случайный, то ли намеренный. Он резко обернулся, впиваясь взглядом в дверной проём, но успел заметить лишь мелькнувшую за углом ярко-красную ленту для волос.

Юань Синь опасно прищурился, но это мимолётное выражение мгновенно стёрлось с его лица. Уже в следующую секунду он совершенно спокойно смотрел на удивлённого Мао Сяочуаня.

Кудряшка сидел, уткнувшись взглядом в свои колени. Краска смущения заливала его шею и щёки, лицо горело так, словно у него поднялся жар, и ему до смерти захотелось смахнуть выступившую на лбу испарину.

Обстановка становилась всё более двусмысленной. Зажатая в тёплых руках голень казалась чужой и неестественно тяжёлой. Мао Сяочуань мучительно соображал, стоит ли ему выдернуть ногу или лучше не дёргаться, и от этих мыслей мышцы, казалось, готовы были снова сжаться судорогой.

— Тебе нехорошо? — Юань Синь подался вперёд и протянул руку, желая потрогать лоб друга.

Но стоило его пальцам коснуться кудрявой макушки, как Мао Сяочуань резко, словно спущенная с предохранителя пружина, отшатнулся назад и выпрямился как струна.

— Н-нет... — выпалил он, задрав подбородок. — Всё нормально!

— Кстати... обедать пора, да? — робко добавил он.

В этот самый момент его желудок предательски и очень вовремя заурчал на весь класс, разом разрушив неловкое оцепенение.

Прижав ладони к животу, Кудряшка уставился на Юань Синя жалобно и умоляюще, в чем без всяких слов читался зверский голод.

Юань Синь секунду молча смотрел на него, после чего коротко бросил:

— Идём.

— Угу! — радостно пискнул Мао Сяочуань.

Он мгновенно убрал ногу с коленей друга, молниеносно натянул кеды, завязал шнурки и вскочил на ноги. Такой прыти, координации и ловкости позавидовал бы любой олимпийский чемпион — парень вихрем вылетел в коридор.

— Юань Синь, живей! Опоздаем — одни объедки достанутся! — донёсся его удаляющийся звонкий голос из-за двери.

Юань Синь лишь тихо хмыкнул, но стоило шагам друга затихнуть, как лицо его вновь стало серьёзным. Он медленно повернулся к выходу из класса и пристально взгляделся в пустой дверной проём.

<http://bllate.org/book/18295/1761961>